

In memoriam

Памяти Леонида Михайловича Баткина
29.06.1932–29.11.2016

Уход Л.М. Баткина – из числа невосполнимых потерь. У нас немного историков и филологов, которых можно назвать гуманитариями, как вообще в мире есть немного пианистов или скрипачей, которых можно назвать музыкантами. Баткин был гуманитарием не только по складу ума, но и по основной интенции своего научного творчества. Он занимался гуманизмом и постоянно думал о гуманности.

В отечественной науке о Возрождении Баткин и А.Х. Горфункель удивительно дополняли друг друга. Если Баткин занимался антропологией Возрождения, то Горфункель больше обращал внимание на натурфилософию. Если Баткин шел от самих духовно-нравственных проблем в материю текста, то Горфункель сперва изучал материю – рукопись и ее варианты, и только потом делал выводы о содержании этой рукописи. Философ и библиофил методологически были антиподами. Но сердце в них билось одно.

Баткин удивителен тем, что он очень много размышлял об индивидуальном существовании европейского человека. О том, как «я» мыслящего и страдающего тростника может противостоять суровым веяниям эпохи и преображать общественные отношения. Можно сказать, что все его книги посвящены тому, как сокровенный человек, он же интеллигент, живет в коллективе и одновременно в мироздании и как он согласует свое общественное служение со своим пониманием Большого Времени и всеобщей истории. Объект Баткина уже не монах, но еще не правозащитник. Он посредине европейской истории, и его уникальная позиция характерна самосбором, назначенным не для личного спасения, а для спасения множества заблудших душ вокруг. Баткин и сам был таков. Он изучал Возрождение с целью активной деятельности по преумножению гуманности в современном российском обществе. Поэтому некоторые его труды напоминают исповеди, переходящие в проповеди. И как он активно воздействовал на нас через свои лекции и книги, так и нам будет его активно не хватать. Книжки-то останутся. Но необходимо живое присутствие таких людей в культуре. Потому что рядом с ними ложь и зло остерегаются вести себя слишком вызывающе.

В.В. Емельянов

«Баткин?! – Юрий Михайлович так и подскочил на стуле. – Быть не может! Вы ничего не путаете?» Лотман уехал в Мюнхен на стипендию несколькими месяцами раньше меня, а в 1989 г. каждый день шел за год, и он, к тому же долго пролежавший в больнице, безнадежно отстал от несшейся вскачь советской ситуации. «Да уверяю вас, это был он! – настаивал я. – Вел в Лужниках митинг на двести тысяч!» Но я бы и сам не поверил, если бы не был в той толпе. Тогда, 21 мая 1989 г., много чем можно было восхищаться: и тем, что столько людей – впервые! – пришло поддержать демократические перемены, и тем, что единственный раз на трибуне стояли рядом Сахаров и Ельцин. Но не меньше этого меня изумил стоявший рядом с ними у микрофона Леонид Михайлович: казалось, он родился политическим оратором и, что еще важнее, умелым руководителем толпы. Все было в первый раз, и никто не знал, не случится ли Ходынка от стихийного скопления такой массы людей. Баткин вел этот митинг непринужденно и артистично: чуть осаживал, когда зашкаливало, следил, чтоб не напирали, озорно и чуть подтрунивая над собой – но командовал: «Все сделайте три

больших шага назад!» И гигантская толпа ему беспрекословно подчинялась. Особенно меня потрясло, как Баткин регулировал завершение митинга: чтоб не создавалось давки, нужно было, чтобы те, кто стоял ближе всего к трибуне, некоторое время еще оставались на месте, пока задние расходятся, и Баткин весело предложил: «Стойте-стойте пока! А хотите – песни пойте!» Может быть, роль книжника в амплуа трибуна он подсмотрел для себя в любимой им ренессансной Флоренции («Данте и его время: Поэт и политика». М., 1965)?

Леонид Михайлович Баткин был специалистом по итальянскому Возрождению. Всеохватный восторг перед Культурой, особенно остро переживаемый в той душной атмосфере Харькова, где он вырос и работал до 1967 г., Баткин пронес через всю жизнь. Но при этом парадоксальным образом восприятие Леонидом Михайловичем культуры довольно радикально отличалось от того, как ее воспринимали многие интеллектуалы. Все тогдашние дискуссии, даже о Ренессансе, были формой философского осмысления судеб России. В одном и том же 1978 г. появились «Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления» Баткина – и «Эстетика Возрождения» Лосева. До какой же степени эти два Ренессанса отличались друг от друга! На поверхности речь в обоих трудах шла о стародавней Италии, а на самом деле столкнулись две формы критики советского проекта: Лосев напал на него за безбожный прогрессизм, а Баткин, наоборот, – за попрание гордой самостоятельной личности.

Это были эзоповы, обвиняковые дискуссии, но в 79-м Леонид Михайлович совершил решительный шаг, который вывел его из привычного круга либеральной интеллигенции. Мы все тогда инстинктивно чувствовали, где у ленивого брежневского режима проходит граница дозволенного, и Баткин ее сознательно преступил, приняв участие в альманахе «Метрополь». Ничего диссидентского в его тамашней статье «Неуютность культуры» не было, но характерно, что, хотя писателей в сборнике опубликовалось много, из ученых там напечатался помимо Баткина лишь математик Виктор Тростников, сделавшийся религиозным философом (противостояние двух форм антисоветизма, западной философской и религиозной, продолжилось, таким образом, и в самиздате).

Естественно, с 1979 г. Баткин стал «прокаженным», его таскали в КГБ, долго не печатали, а следующую свою книгу «Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности» он опубликовал уже в 1989-м. Середина 80-х – это начало бурной академической дискуссии о том, когда появляется в истории «личность». Этот спор,

продлившийся более 10 лет, свел Баткина в остром конфликте с крупнейшим нашим медиевистом Ароном Гуревичем. В сущности, противостояние сводилось к тому, существует ли прогресс и важна ли нам история как образец. Это была, пожалуй, последняя гуманитарная дискуссия, которая стала настоящим интеллектуальным событием и вышла за пределы ужайшего круга специалистов [см. работы Л.М. Баткина: «Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления» (М., 1990); «К спорам о логико-историческом определении индивидуальности // Одиссей. Человек в истории – 1990 (М., 1990); «“Не мечтайте о себе”. О культурно-историческом смысле “Я” в “Исповеди” блж. Августина» // РГГУ. ИВГИ (М., 1993); «Европейский человек наедине с собой» (М., 2000) и т. д.]. Впрочем, тогда пробудившееся общество на все импульсы отвечало невероятно бурно.

Задувшие ветры перемен раскрыли в Баткине множество талантов. Кому-то, наверное, памятна его блестящая, сказочно-остроумная статья «Сон разума. О социально-культурных масштабах личности Сталина» в журнале «Знание – сила» (1989, №№ 3, 4), где он изящно морочит читателя, перемежая реальную прямую речь Сталина, донесенную мемуарами Симонова, речами зощенковских персонажей до полного их неразличения. Тогда казалось, что афористичный финал той статьи – «Сталин – это Брежнев вчера» – станет приговором сталинистской ностальгии. Увы, позднее выяснилось, что формула вполне подходит этой самой, только неслыханно разросшейся, ностальгии в качестве лозунга.

Впрочем, особенно поражал, как уже было сказано, проявившийся в Баткине талант политического мыслителя и организатора. Он был соучредителем клуба «Московская трибуна» (1988–1991), сыгравшего гигантскую роль в кристаллизации либеральной, как сейчас говорят, повестки. Баткин был в гуще событий, заседал с Межрегиональной депутатской группой I съезда, давал советы Ельцину, четко формулировал текущие задачи, очень много комментировал, так что какой-то депутат даже потребовал лишить его аккредитации. На это Леонид Михайлович заметил, что никто не может лишить его аккредитации у его собственного телевизора, а иной у него никогда и не было. И верно: ни депутатом, ни членом «пула» он так и не стал, при всей своей страстной вовлеченности в события оставаясь от них чуть в стороне. Никакого поста Баткин не занял (его сопредседатель по «Московской трибуне» Гавриил Попов стал мэром Москвы), и единственная форма ангажированности, которую он себе позволил (и то ненадолго), – стать членом Координационного совета движения «Демократическая Россия».

Глядя из сегодняшнего дня, просто невозможно поверить, что все это происходило с нами! То был и впрямь уникальный момент в отечественной истории. Но чудеса не длятся долго. Власть (очень) быстро начала чувствовать чужаков и, сперва исподволь, отторгать их. Уже в 1992 г. Баткин отошел от активного участия в политике, и хотя он продолжал быть политическим мыслителем (ср.: *Баткин Л.М.* Шанс еще есть: Политические впечатления и раздумья трех лет после Августа. М.; Харьков, 1995; Эпизоды моей общественной жизни. М., 2013), а острый интерес к политике проявлял до последних дней жизни, тем не менее в новой реальности ему уже не было места.

Работая в ИВГИ, специальном оазисе для выдающихся гуманитариев, созданном основателем РГГУ Юрием Афанасьевым, Баткин, не оставляя занятий Ренессансом (*Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995), расширил горизонт своих интересов («Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре». М., 1994; «Тридцать третья буква: Заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского». М., 1997; «Личность и страсти Жан-Жака Руссо». М., 2012). Он думал о вещах глубоких и сложных – «О движении истории в будущее», о «Возобновлении истории», но и о жгучей современности: «Возможна ли оппозиция Путину?» (доклад 21 января 2001 г.!).

Я не сказал о самом главном даре Леонида Михайловича – его блистательном владении словом. В ситуации чудовищной позднесоветской безъязыкости, при полном омертвлении речевых (не говоря уж о риторических) навыков, в отечественной гуманитарии лишь две фигуры высятся одинокими недостижимыми вершинами: Аверинцев и Баткин. Оба говорили и писали неправдоподобно, восхитительно, и все же я отдал бы в этом «синкрисисе» пальму первенства Баткину. За искрометную неожиданность фразы при неизменной четкости ее каркаса.

И некролог этот лучше всех написал бы он сам, и не потому, что знал себя лучше других. А потому, что и в жанре некрологов он не знал себе равных.

С.А. Иванов